

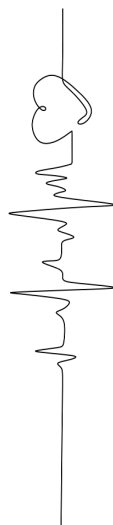
Глава 1

- И что вы мне предлагаете делать?
- Разберитесь. Вы же лучшая.

В трубке стало мертвенно тихо. Даже не было коротких гудков. Она стояла в центре своего гостиничного номера с прижатой к виску трубкой винтажного телефона и не слышала ничего. Почему же нет коротких гудков? Очень странно.

Станным было совсем другое: что ее так беспокоит эта тишина и только она. А подумать было о чем. Чувствуя, как мозги просто закипают и тишина в ушах сменяется противным свистом, словно выкипающий чайник на плите, она отлепила, наконец, от себя эту трубку телефона. Надо было что-то делать. Стоять вот так посреди номера было тоже очень странно.

Усилием воли переместила себя на диван у другой стены. Прошла уверенным шагом, мысленно считая шаги и контролируя работу суставов рук и ног так, словно можно было забыть, как ходить.

Под ногами был мягкий ковер, спиной она чувствовала спинку дивана, рукой сжимала обивочную ткань. «Хорошая очень», — пронеслось в голове, словно недавно она делала ремонт и все еще обращала внимание на обивку, мебель и планировку. Но никаким ремонтом она не занималась уже очень давно. Просто психика пытается защититься от непомерной задачи, которая свалилась на нее с этим телефонным звонком.

Анна находилась в лучшей гостинице города Брюссель. Именно так про нее рассказывали, когда отправляли сюда.

Эта история началась всего пару месяцев назад, когда ей позвонили прямо на работу из Министерства. В дверь кабинета протиснула лицо Маша и тоном, не предусматривающим возражения, приказала выйти срочно. Она ненавидела, когда отвлекают от работы, но, видно, случай был из ряда вон, иначе Маша бы просто не зашла. Как только Анна вышла, Маша, не отрывая взгляда, абсолютно молча приложила к моему уху телефон. Что-то было в ее жесте настораживающее: обычно тебе просто передают смартфон из рук в руки, Маша же приложила его сама к уху, замороженно уставившись на ее лицо. Уходить она не собиралась. Да что там такое?

Милый голос сообщил, что вот прямо сейчас с ней будет говорить министр. Чего кон-

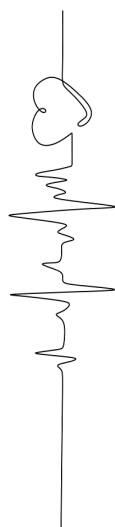
кретно министр, не уточнялось. Не менее милый мужской голос представился, она моментально забыла его имя и регалии, в сознание врезалось только «министр». Министр радостным голосом сообщал, что именно ей выпала честь представлять нашу страну на международных переговорах, посвященных мировым проблемам с репродукцией. Голос лучился счастьем. Такой себе объявляющий победителей на Олимпиаде: звучный, радостный, ободряющий. Также ей сказали, что скоро все подробности вышлют на почту: дату проведения этого круглого стола, а также билеты на самолет, все данные гостиницы и встречающей стороны. Конечно, министерство все расходы берет на себя. Ей пожелали хорошего дня и еще раз поздравили с такой честью.

Все это время Машка не отрываясь смотрела на ее лицо. Когда она вернула потрепанный жизнью рабочий телефон со стойки регистратуры, все, что смогла прошептать Маша:

— Нас закрывают?

— Не-нет, — получилось неубедительно, Машка продолжала стоять с несчастным выражением на лице, с прижатым к сердцу стареньким Самсунгом.

— Маш, нас не закрывают — это точно. Я куда-то лечу.

— В Министерство?

Разговор явно расклеился, так же как и сама Маша.

Машка — ее боевая подруга и глава администраторов в их с мужем клинике. Они дружили тысячу лет, знали любое выражение лица друг друга и даже мысли могли угадывать, но тогда обе просто не понимали, что происходит. Министерство. Куда-то. Посылает. Ее. Кажется, так.

Разобравшись с пациентами в кабинете и усадив Машку на диван в ординаторской с чашкой ромашкового чая, они сели изучать почту.

Действительно, некий министр не обманул, вся информация уже была там. В Брюсселе планировался круглый стол по вопросам репродуктологии. Заявлены были 12 репродуктологов из 12 стран, включая Анну, юристы, общественные деятели, судьи и адвокаты. В плане круглого стола значилась лишь одна фраза: «Решение вопросов глобального применения вспомогательных репродуктивных технологий». Если вычеркнуть Министра, этот звонок и юристов, ситуация была рядовой, она часто ездила на подобные мероприятия. Где-то читала лекцию, где-то сидела с умным видом в президиуме, где-то кого-то награждала. Пару раз в год вылетала на очередную международную конференцию, убивала

там день или два, покупала подарки дочерям и возвращалась в свою нормальную жизнь. Почти все было нормально в этом круглом столе.

Машка сфокусировалась на ней:

— Откуда они взяли твою личную почту?

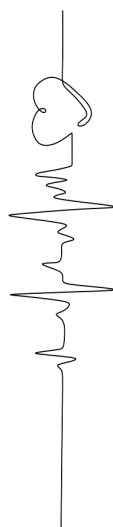
— Меня больше волнует, откуда они взяли данные моего паспорта, — она ткнула пальцем в билеты на самолет на ее имя.

— Видимо, это и правда был Министр.

— Видимо.

Было еще пару звонков от Министра и его замов. Анне разъяснили, что международное сообщество хочет принять какую-то декларацию о правах человека, вернее, внести поправки.

«Это просто условность, — улыбался ей милый блондин лет тридцати — один из замов, — мы передадим вам все инструкции, как и что подписывать. Круглый стол будет рассматривать много вопросов, связанных с репродукцией. По ходу данного рассмотрения, мы будем выдавать вам все необходимые инструкции — что поддерживать, а что нет. Это политический вопрос, который должен курироваться специалистами здравоохранения в угоду общественности. Но каждая страна отправит своего специалиста на дискуссию без права самостоятельного голоса. Вы будете нашим дипломатом: мы подскажем все ответы.

Представители дипкорпуса, что тоже туда поедут, все решат. Нам нужны только ваши фамилия и инициалы на международных документах»

От улыбки этого милейшего парнишки у нее бежали мурашки по спине. Отказаться даже не рассматривалось как возможный вариант. На сайте этого кворума уже красовалась ее фамилия, а Машка ежедневно отбивалась от звонков журналистов. Процесс был запущен давно. Ей просто предстояло присоединиться в нужный момент. Что ж, посидеть, послушать она может, это не сложно. Правда, витиеватые объяснения совершенно не добавляли ей энтузиазма. Все выглядело предельно ясно, но совершенно непонятно. Она чувствовала, что вступает на чужое поле, правила игры которого она не знала, а посвящать ее в них никто не собирался. Но отмахнуться от внутреннего чувства потери контроля ей все же удалось. Мало ли что там у них в министерстве планируется, простому маленькому человеку этого не разобрать.

Так начинался этот прекрасный «двухнедельный отпуск», как назвал его тот блондин. Первый класс хорошей авиакомпании, лучший номер в гостинице, даже ассистент для мелких поручений. Все радости этой жизни были ей предоставлены. На душе все равно было беспокойно. Что-то было не так, она

это чувствовала. Подозрения Анны передались и родным.

Одним вечером, утонув в своем шкафу, она в очередной раз пообещала себе, что разберет наконец этот хлам. Муж посмотрел в окно и задумчиво протянул:

— Не нравится мне это все. Может, можно как-то отказаться?

— Как? — она активно пыталась высвободить из гардероба какую-то блузку, поддавался только рукав, — Ты же знаешь МИНИСТЕРСТВО! Кроме того, у нас лицензирование скоро, сам напоминал. Ругаться с этими ребятами совсем не в наших интересах.

— Это, конечно, так, но я прям чую, что там не все так ладно, как они рассказывают.

— Конечно не так! — бросив рукав проклятой блузки, она объявила войну костюму рядом — А когда все так, как они рассказывают?

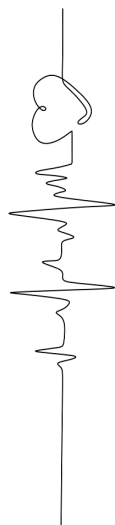
Отдышавшись и мысленно взяв тайм-аут, она подошла к окну.

— Я буду предельно осторожна. Если почувую неладное, изображу дуру, скажу, что ничего не андерстенд и адью!

— У тебя плохо это получается.

— Да? Ну тогда справку накатаем, что у меня криз гипертонический.

Заверив мужа в осторожности, она все же надеялась на парнишку-зама и его рекомендации. Дружба министерства не была макси-

мально необходима для ее работы, а вот негодование — максимально нежеланно.

У нее была своя клиника. Так требовал говорить муж, хотя ее наличие — полностью его заслуга. До его идеи, она работала акушером-гинекологом, работу любила не меньше пациенток, пациентки платили тем же. В один прекрасный день он просто принес на стол внушительную пачку денег и сказал, что завтра они едут смотреть помещение. У нее на тот момент было теплое место в частной клинике, свои пациенты, две дочери, хомяки, собака и вилка во рту. С вилкой пришлось расстаться в ту же минуту.

— Паш, ты чего?

— Все, я сказал. Ты не будешь больше работать за три копейки. Я целый год копил, вот завтра едем договор составлять. Помещение я нашел, оборудование возьмем на первое время в лизинг, я договорился. Справимся.

Они год еле сводили концы с концами: хватало на аренду, зарплаты сотрудникам и дочкам на школу и сад. Потом к ним пришла Машка — ее давняя подруга, которая оценила глубину мешков под глазами, покачала головой и просто села за стойку администраторов, навела там свои порядки: уволила всех одним днем. Работала за троих админов, спала и ела за работой, потом нашла прекрасных девчонок, и все немного вздохнули. Денег хва-

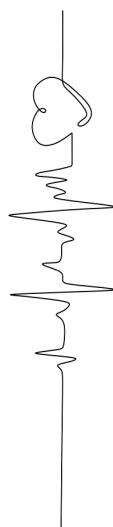
тило даже на отпуск всем троим: Анне, мужу и Машке. Поехали они в него по очереди, потому что пока один спал беспробудно у моря, два оставшихся сражались за их детище. Так проработав несколько лет, они столкнулись с *этим*.

Ситуация с репродуктивными возможностями населения была довольно тяжелой и раньше: люди не могли забеременеть все чаще и чаще, по новостям передавали сообщения о напряженной ситуации в стране, что людей становилось все меньше. Потом материнский капитал в один день увеличили втрое и сообщили совсем уж скудную цифру населения. По всем новостям всех стран ежедневно призывали плодиться и размножаться, но было одно «но». У людей перестало рожаться.

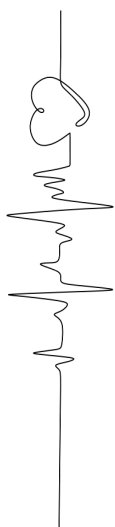
Такой пробел в демографии ощутили резко — людей в клинике стало больше. Они взяли еще одного репродуктолога, смогли переманить у соседей хорошего эмбриолога, из подсобки сделали еще один кабинет, а Машке купили на стойку крутой компьютер. За первый день работы новым составом они с мужем заработали на джип. Машка взяла ипотеку.

В один день все изменилось.

Клиника располагалась на первом этаже многоэтажки. Вход в клинику отделен был

небольшим пространством, которое по документам принадлежало им, но регистратуру там поставить не смогли из-за какого-то запрещающего акта. Поставили там колонны. Их нарисовала старшая дочь Анны, по ее эскизу заказали мастерам четыре колонны, каждая из которых была своей формы и даже высоты. Анна их очень любила, муж с Машкой не обращали никакого внимания на такие мелочи, на пациентов действовало само их наличие.

В то утро, оставив машину Бог знает где, еле отыскав свободное место, она шла по бульвару к клинике, не видя ничего перед собой, мысленно ругая далекое парковочное место. Почему-то на обычно пустом тротуаре тоже было весьма многолюдно. Подойдя ко входу в клинику, она впала в ступор: это была очередь к ним. Огромная живая очередь, заканчивающаяся в другом квартале, вела в ее клинику. Протиснувшись в коридор с колоннами, она обнаружила, что он весь заполнен людьми. Люди были на ступеньках, на лестницах, ведущих на второй этаж, все пытались втиснуться в их парадные двери.

Какой-то мужчина с возмущением оттолкнул ее: «Тут очередь вообще-то! Не видно, что ли? Ой, это Вы!»

Гул голосов на секунду взвился в воздух и упал мертвым молчанием на пол. Люди рас-

ступались перед ней, как воды перед Моисеем. В полной тишине она добрела до входа.

Толкнув дверь, Анну снесло целой массой звуков: телефоны разрывались на стойке, люди пытались перекричать администраторов, орали экраны телевизоров, кто-то разговаривал по телефону, толпа окружила круглую стойку со всех сторон. Ее никто не заметил, пробиться к регистратуре не представлялось возможным, ее теснили все ближе к входной двери. Кто-то схватил за локоть: «А наконец-то!» — Маша волокла Анну к кабинету, ловко расталкивая толпу, — «Я уже потеряла Вас, Анна Васильевна! Простите! Мы вот так обойдем... извините... позвольте...»

Протиснувшись в кабинет и усадив ее на небольшой диван, она немедленно пошла за водой, по пути тараторя: «Ты даже не представляешь, что здесь началось, после этих сообщений! За два часа нас просто снесли — сайт лег, Паша его уже чинит с какими-то ребятами, программа сдохла от количества заявок, телефоны разрываются, ну а толпу сама видела. Пей-пей, сейчас новости включу, ты с ума сойдешь». Маша как-то нехорошо хихикнула.

Анна послушно отхлебнула воды из кружки «Лучшему доктору».

— К нам записались из Израиля, представь? — Маша довольно кивнула и нажала

кнопку пульта. — У тебя теперь прием, кстати, до десяти вечера.

— Совсем не кстати, Маша.

— А что поделать. Смотри!

Новости по всем каналам шли безостановочно. Всемирная организация здравоохранения зачитала официальный доклад о проблемах с репродукцией. Кратко: они признавали, что более человечество не может размножаться естественным путем. Месяц назад был зарегистрирован последний случай живорождения после естественного зачатия. Ребенок умер спустя 18 часов. За месяц на всей планете самостоятельно не забеременела ни одна женщина. Далее зачитывали список племен Африки и Южной Америки, которые полностью вымерли из-за отсутствия естественного прироста. Дикторы поясняли, что это не повод для паники, ведь есть вспомогательные репродуктивные технологии, которые так хорошо развиты и помогут.

— Не прошло и ста лет, как старина Лин это признал, — Маша выключила телевизор и печально вздохнула.

Лин Джун руководил ВОЗ несколько лет, был одним из «наших», из гинекологов. Прощагав по карьерной лестнице Южной Кореи, он быстро прыгнул выше своих ушей (как шептались в кулуарах ВОЗ) и занял место руководителя этой организации. По фак-

ту, никто просто не знал, что делать с ВОЗ. Все летело в тартарары давным-давно. Все понимали, что скоро придется признать, что человечество подошло к последней черте, и никто не хотел быть тем самым, кто это сообщит. Лин занял пост, руководил и всеми возможностями откладывал работу Комитета репродуктивного потенциала.

Она знала Джуна. Хорошо знала. И если он решился на такой отчаянный шаг, дело было дрянь еще больше, чем говорилось в докладе.

— Набери его.

— Ань, ты чего? — Машка выпучила свои миндалевидные глаза уж очень сильно. — Ты же не станешь ему звонить?

— Набери.

Маша быстро вышла из кабинета, окинув ее неодобрительным взглядом и поджав губы. Через пару минут она протиснулась в приоткрытую дверь:

— Третья линия. Аня...

— Спасибо.

Дверь немедленно закрылась.

— Аньйоансейо.

— Ты все еще помнишь? — в трубке засмеялись. — Я знал, что ты позвонишь.

Слышать корейскую речь было неприятно, говорить — еще неприятней, под ложечкой неприятно засосало от этого голоса.

